

Для цитування: Шевченко І.С. Абрис когнитивного вектора прагмалінгвістики / І.С. Шевченко, І.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – № 811. – 2008. – С. 3–7.
Please cite as: Shevchenko, I.S., Susov, I.P. and Bezuglaya, L.R. (2008). Abris kognitivnogo vektora pragmalingvistiki [An outline of the cognitive vector in linguistic pragmatics]. <i>Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im.V.N. Karazina</i> – V.N. Karazin National Univ. Messenger, 811, 3-7 (in Russian)

АБРИС КОГНИТИВНОГО ВЕКТОРА ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьков),

И.П. Сусов, докт. филол. наук (Тверь),

Л.Р. Безуглая, канд. филол. наук (Харьков)

Ускорение темпа жизни, ставшее реальностью XXI века, подтверждает сбывшиеся прогнозы социологов об ускорении исторических изменений цивилизации: смене общественных устройств, преобладающих философских идей, базовых ценностей. Не минули эти процессы и языкознание, где только за последние десятилетия сформировались новые научные течения, макро- и микропарадигмы, сравнимые с теми, для которых прежде требовались века. Лишь недавно, в 90-х годах XX века, Б. Нерлих и Д. Кларк определяли прагматику как «новый подход» в науках о языке, восходящий к работам Дж. Остина, Дж. Сёрла и П. Грайса [17: 439]. Однако сегодня лингвистическая прагматика уже имеет несколько достаточно развитых ответвлений: межкультурная прагматика, историческая прагматика, социопрагматика. В рамках прагматики формируются и другие подходы. Цель настоящей обзорной статьи – попытка осмысления путей развития современной функциональной парадигмы в лингвистике, в частности, лингвистической прагматике. Непосредственным объектом анализа избрано направление, о котором говорят и пишут последние несколько лет – когнитивная прагматика. В качестве основного тезиса предполагается, что прагматика как единая научная парадигма когнитивна во всех ее разновидностях, ибо обращена к передаче смыслов в общении, а отдельные направления прагматики отличаются ведущими векторами анализа.

Прагматика и парадигмы лингвистического анализа. Лингвистическая прагматика по своей природе принадлежит к функциональной (деятельностной)

парадигме научного знания, которая сегодня понимается как когнитивно-коммуникативная (когнитивно-дискурсивная). Развиваясь на протяжении уже нескольких десятилетий, прагмалингвистика, тем не менее, до сих пор рассматривается под углом различных макропарадигм: философии языка в духе Дж. Остина и Дж. Сёрла, когнитивной психологии в духе Д. Спербера и Д. Уилсон, теории социального взаимодействия [2; 8], либо определяется как «самостоятельная междисциплинарная область знания, тесно примыкающая к лингвистике» [5: 34], включается в состав семантики (т.н. интегрированная прагматика О. Дюкро). Эта множественность оценок места прагматики в науке во многом объясняется ее экспансионистским характером, широкой интеграцией с такими смежными областями знания, как семиотика, философия, психология, социология и под. Думается, что обозначенные подходы не являются противоречивыми, а некоторая «размытость» границ прагматики открывает возможности ее широкого проникновения в другие области, обеспечивая возможности всестороннего развития прагмалингвистической парадигмы.

В дефиниции прагматики наибольшее признание приобрела трактовка, предложенная Дж. Личем: это изучение того, как формируются смыслы высказываний в ситуациях общения (*how utterances have meanings in situations*) [15]. Такое понимание базируется на высказанных ранее идеях Дж. Остина и Дж. Сёрла, с одной стороны, и Г.П. Грайса, с другой, рассматривавших значение, соответственно, в терминах иллокуции (через речевой акт) и разговорной имплицатуры. При этом традиционная прагматика ограничивается рассмотрением смысла (значения) как процесса взаимной демонстрации смыслов Говорящим и Слушающим в духе М.М. Бахтина, признавая, что значение высказывания в дискурсе весьма далеко от абстрактного лексического, существующего в системе языка.

Важнейшие свойства прагматической парадигмы как разновидности функциональной макропарадигмы – акциональность (деятельностный подход) и интенциональность. Первое кроется в самом названии прагматики (греч. *pragma* – деяние) и широко отражено во взглядах ее исследователей (имеется в виду «Слово

как действие» Дж. Остина [4], «Деятельность, сознание, дискурс и языковая система» И.П. Сусова [5] и др.). Языковое общение – одна из форм активной целенаправленной деятельности, посредством которой индивид и общество «включаются в бытие». «Деятельность выступает как бесконечное множество отдельных действий и их комплексов. В деятельности в целом и в каждом отдельном действии выделяются субъект, объект, цель, результат, средство и способ. Действия осуществляются с учётом знаний о мире и об обстановке, в которой они совершаются, о социально значимых правилах и принципах их осуществления. Каждое действие может быть оценено с точки зрения обстановки и его результата как уместное и успешное либо как неуместное и неудачное. Использование языка для передачи информации (смыслов) и смысловой интерпретации принятых высказываний представляет собой специфическую форму человеческой деятельности, обеспечивающую существование общества» [6]. Деятельность общения в широком смысле можно представить как трехкомпонентную структуру (схема 1):

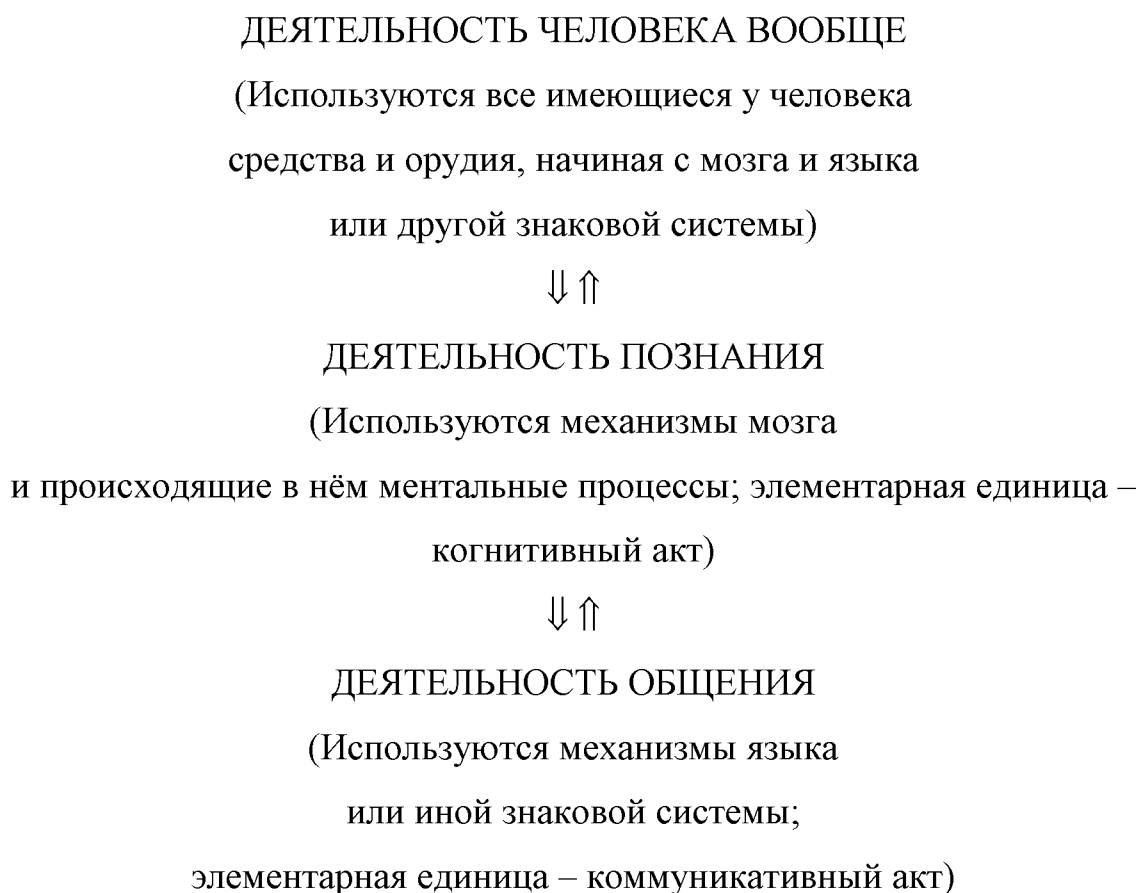

Схема 1. Общение в структуре деятельности

Интенциональность тесно связана с деятельностью и индивидом, ее осуществляющим: интенции (намерения, коммуникативные установки) задают цели говорящего и слушающего в их речевой деятельности, определяют характер передаваемых значений. Тем самым, с одной стороны, в число конститутивных параметров прагмалингвистики вовлекается человеческий фактор и связанная с ним проблематика адресованности. С другой стороны, «вычисление» интенций представляет собой когнитивную операцию, хотя ментальные процессы не акцентировались в традиционном прагматическом подходе.

Первоначально прагматика зарождалась как философско-семиотическая, акциональная (Д. Дьюи, Ч. Пирс, Ч. Моррис, Дж. Остин, Дж. Сёрл – не без сильного влияния Л. Витгенштейна).

Ее второе начало, импликационное (implicated), присутствовавшее у Остина и Сёрла, заняло почётное место в прагматике благодаря Г.П. Грайсу. Оба начала объединены деятельностным принципом: имплицатирование – также действие. Под имплицатурой (разговорной / конверсационной / коммуникативной) понимается «имплицитный смысл высказывания как результат прагматической импликации; значение говорящего, отличающееся от значения произнесённого предложения контекстуально обусловленной смысловой “накладкой”. Имплицитный характер данного смысла ставит адресата перед необходимостью вычислить имплицатуру, т.е. установить, не что говорящий сказал (has said), а что он имел в виду (has meant / implicated) [6]. Разговорные им-плицатуры порождаются при несоблюдении (случайном или намеренном) говорящим принципов кооперации П. Грайса, которые справедливо рассматриваются как ментально обусловленные.

Принято различать т.н. имплицатуру – прагматическую, или контекстуальную, импликацию – (сказанное + факторы контекста □ имплицатура) и им-плицитуру — «понятие, введенное К. Бахом для обозначения того имплицитного смысла, который не включается в имплицатуру, а создаётся в силу недостаточной

информативности произнесённого предложения. Прояснению имплицитур может служить, например, расширение реализованной минимальной пропозиции: Этот чемодан слишком тяжёл (для того, чтобы взять его с собой в салон самолёта); У меня нечего надеть (на выпускной бал)» [6].

В целом, с момента своего становления (70-е – 80-е гг.) и вплоть до настоящего времени в традиционной прагматике различаются несколько западных и отечественных научных школ, базирующихся на различных постулатах:

- англо-саксонская, восходящая к философии обыденного языка и теоретическому вкладу Л. Витгенштейна и разрабатывающая теорию речевых актов (Дж. Остин, Дж. Лич и др.);
- американская, исповедующая идеи семиотики Ч. Пирса и Ч. Морриса (прагматика – часть семиотики);
- французская, базирующаяся на теории высказывания Э. Бенвениста, изучающая актуальное и виртуальное значение высказывания;
- немецкая школа «универсальной» или «трансцендентальной» прагматики, рассматривающая прагматику как часть общей теории воздействия и испытывающая влияние критической теории Ю. Хабермаса;
- школа жанристики (Россия), трактующая значение через речевой жанр, понимаемый в духе М.М. Бахтина [3].

Все эти научные школы прагмалингвистики объединены идеей функционализма – макропарадигмы, включающей социо-, психо-, этно-, когнитивные и иные лингвистические парадигмы. Такое «зонтичное» представление научных направлений обусловлено общими интегративными процессами науки XXI века.

Парадигмы сосуществуют. Каждая вносит своё. Генетическая парадигма языкознания определяется девизом «развитие языка (процесс)», структурная – «инвариантность системы языка», а функциональная (коммуникативно-когнитивная) – «деятельность человека говорящего». Наблюдается переплетение «традиционной», структурно-системной, генеративной, деятельностной парадигм. Итог развития лингвистики можно метафорически представить как слоеный торт: очередной верхний слой впитывает многое из ниже

лежащего и обуславливает в нём определённые модификации. Так, на базе структурного (в европейском понимании) и генеративного слоев как двуединства в продолжение европейских традиций формируется новый, функциональный слой. В нем выделяются два важнейших аспекта: когнитивный (язык и мышление) и коммуникативный (язык и общение), то есть функциональная макропарадигма имеет две ипостаси: коммуникативную (с прагмалингвистикой как ингредиентом) и когнитивную.

В свою очередь, отмеченная интегративность науки проявляется в слиянии, фузии, коммуникативного и когнитивного и формировании в рамках прагмалингвистики ее когнитивной субпарадигмы.

Когнитивная прагмалингвистика. Взаимное обогащение коммуникативного и когнитивного направлений исследований, которое сегодня акцентируется в сфере функционального языкознания, уходит корнями в идеи П. Грайса и непосредственно подготовлено теорией релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, которая базируется на Грайсовом понимании того, что «прагматическая интерпретация представляет собой распознавание смыслов (mind-reading), включая выводное распознавание интенций» [18: 3]. Важность ментальных операций в теории Грайса трудно переоценить: декодирование языкового значения (what is said) понимается как отправная точка для процесса вывода знаний, результатом которого и будет распознавание значения говорящего (what is implicated).

С развитием когнитивной науки на рубеже веков происходит определенная смена векторов, и в прагматике на первый план выходят черты «ментальной операционной системы, ответственной за интерпретацию коммуникативных стимулов (особенно высказываний)» [10: 127]. Важно, что когнитивная прагматика применима не только для описания имплицитных (как у Грайса), но и эксплицитных смыслов, что доказывают работы Р. Карстон [там же]. Так, примеры высказываний с союзом *and* свидетельствует, что каузальность и объяснительность базируются на разных когнитивных основаниях [11: 236], равно как последовательность во времени и т.п.:

Max got sick and didn't go to school (следствие и причина);

Max slipped on a banana skin and fell (объяснение);

Max put in the key and opened the door (последовательность во времени).

Уточняя объект когнитивной прагматики, его можно представить, используя схему с интерфейсами (стыками, переходами):

- Действительность – всё, что вне нас и внутри нас;
- Мозг – восприятие и первоначальная обработка впечатлений, поступающих на рецепторы зрения, слуха, осязания и т.д.; передача на «входы» разума (нейрофизиологические процессы);
- Разум / Сознание – переработка поступающей из мозга информации (ментальные процессы), её упорядочение как квантов и структур знания в процессах категоризации и концептуализации на основе подведения к выработанным ранее схемам; извлечение из памяти путём инференции уже имеющихся знаний; вихревые процессы, ведущие к смешению (блендингу) знаний;
- Язык (как знаковая система) – система кодовых единиц и правил манипулирования ими в процессах кодирования и декодирования в условиях определённых социативно-коммуникативных контекстов. На схеме 2 интерфейсы обозначены стрелками:

Действительность

⇓ ⇑

Мозг

⇓ ⇑

Разум / Сознание

⇓ ⇑

Язык

Схема 2. Интерфейсы смежных областей представления знаний

Чем выше интерфейс, тем более основательны претензии той или иной дисциплины на титул когнитивистской. При этом когнитивная прагмалингвистика,

как и языкознание в целом, предполагает сосредоточение лингвистов на интерфейсе Язык □ Разум / Сознание, оставляя иные интерфейсы исследователям-нейрофизиологам, психологам и т.п.

Доминирование когнитивного вектора в трактовке прагмалингвистики как «когнитивного объяснения процессов распознавания высказываний» [11: 3] существенным образом отличает новое направление от традиционной прагматики, зародившейся в рамках философии языка в 50-е годы XX века. Это направление разделяет общеметодологические философские постулаты: мир не отражается, а интерпретируется; человек не только воспринимает, но и конструирует мир. В частности, по мнению Р. Карстон, когнитивная прагматика представляет собой:

- (а) систему для интерпретации человеческих действий / поведения в терминах вызывающих их ментальных состояний (убеждений, намерений);
- (б) систему для понимания коммуникативного поведения, в частности, имплицитной коммуникации;
- (в) систему понимания вербального коммуникативного поведения [10: 129] (курсив в оригинале – И.С., И.Ш., Л. Б.).

Смысл высказывания трактуется в когнитивной прагматике как результат конструирования говорящим и слушающим, основанием для чего служит критическая теория дискурса и более поздние разработки современного дискурс-анализа периода философского постмодернизма, включая теорию социального конструктивизма [9; 12] с ее ведущими принципами:

- (а) знание – не простое отражение внешнего мира, а результат когнитивной деятельности;
- (б) знание – продукт исторических и культурных отношений людей;
- (в) знание – продукт социального взаимодействия, в котором значения конструируются партнерами по коммуникации;
- (г) социальный аспект знания оказывает влияние на поведение [7].

В этом русле смысл (значение) предстает как результат дискурсивного конструирования с учетом социальной практики [14]. В целом, в новом, когнитивном направлении лингвистической прагматики ее традиционный подход,

акцентирующий роль говорящего и слушающего как телеологических актантов, уступает место их трактовке как Homo Cognoscens (подробнее – [13: 784]). Тем самым в когнитивной прагматике объединяются принципы когнитивизма и прагматизма, сосуществующие в рамках общей функциональной мегапарадигмы.

Когнитивная прагматика активно разрабатывается в рамках Харьковской школы функциональной лингвистики для описания конструирования смыслов в дискурсе [7; 16] и всестороннего анализа интендируемых не прямых смыслов в немецком дискурсе [1]. Когнитивно-прагматический подход признается направленным на интегрированное изучение ментальных и вербальных процессов коммуникации, что обуславливает обращение к широкому ряду методов когнитивной, прагматической лингвистик и смежных наук. Привнесение когнитивного фокуса в прагматический анализ оказывается незаменимым для понимания того, как концепты и категории формируют концептосферы говорящего и слушающего, и, соответственно, их коммуникативные компетенции, включая интенции, способности вербальной репрезентации смыслов, ментальных операций, распознавания смыслов в коммуникации [16].

Используя идеи когнитивной прагмалингвистики, обосновывается анализ имплицитных речеактовых смыслов на интенции говорящего, понимаемой (по Сёрлу) как двуединство репрезентационной и коммуникативной интенций, а также углубляется понимание последней как совокупности иллокутивной и перлокутивной целей [1: 95-101]. Такой подход позволяет построить новую функциональную интегративную (когнитивно-прагматическую) теоретическую модель речевого акта (преимущественно им-плицитного) и эмпирически интерпретировать имплицитные смыслы на базе немецкоязычного диалогического дискурса [1]. Важно отметить, что импликационное и акциональное – явления не одного ряда: прагматика вся акциональна. Причем, если образно представить буквальные / эксплицитные высказывания как «базовые», то импликатуры будут располагаться «выше» экспликатур: «верхний слой» импликационен, в нем в качестве продукта деятельности в зависимости от дискурса создаются имплицитные смыслы (например, метафорические, иронические и т.д.). При этом

предлагаемая когнитивно-прагматическая (импликационная) модель репрезентации не прямых речевых актов как элементарных единиц непрямого диалогического дискурса может быть эффективна при анализе имплицитных речевых актов не только немецкого, но и других языков.

Таким образом, вырисовывается абрис когнитивной прагматики как одной из субпарадигм прагмалингвистики, объединяющей в единое целое когнитивное и коммуникативное (прагматическое) начала функциональной мегапарадигмы. Когнитивная прагматика сфокусирована на ментальных операциях, связанных с передаваемыми в дискурсивных ситуациях смыслами: в ее предмете акцентировано порождение и толкование смыслов как ментальных / мыслительных феноменов в речевой деятельности субъектов. При этом о двух прагматиках – традиционной и когнитивной – можно говорить лишь в терминах предпочтения тех или иных параметров анализа. Иными словами, в зависимости от акцента исследователя формируются два перспективных исследовательских вектора – акциональный (коммуникативный) и интенциональный (когнитивный), соответствующие двум ипостасям единой науки – лингвистической прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі: Монографія. – Харків: ХНУ, 2007. – 332 с.
2. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 306 с.
3. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.
5. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7-13.
6. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика: Учебник. – М.: Восток – Запад (в печати).
7. Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу // І.С. Шевченко (ред.) Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х.: Константа, 2005.
8. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан: Сб. научн. статей. – Вып. 7: В мире языка / Под ред. Л.П. Рыжовой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 69-80.
9. Burr V. An Introduction to Social Constructionism. – London: Sage, 1995.
10. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language. – 2002. – V.17, No.1-2. – P. 127-148.
11. Carston R. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit

Communication. – Oxford: Blackwell, 2002. – 418 p. 12. Gergen K. Constructionist dialogue and the vicissitudes of the political // I. Velody, R. Williams (eds.) The Politics of Constructionism. – London: Sage, 1998. 13. Kopytko R. From Cartesian towards non-Cartesian Pragmatics // Journal of Pragmatics. – 2001. – V.33, No.6. – P. 783-804. 14. Laclau E., Mouffe C. Hegemony in Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985. 15. Leech G. Principles of pragmatics. – Harlow: Longman, 1983. 16. Shevchenko I.S. Meaning as discursive construal in Cognitive-Pragmatic Paradigm // Нова філологія. – Запо-ріжжя, 2005 . – Вип.2 (22).– С.182-186. 17. Nerlich B. Clarke D. Language, action and context. Linguistic pragmatics in Europe and America (1800 – 1950) // Journal of Pragmatics. – 1994. – V.22, No. 5. – P. 430-363. 18. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, Modularity and Mind-reading // Mind and Language. – 2002. – V.17, No.1-2. – P. 3-23.